

Юрий Базуев

Покаяние агнца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*Алматы
2017*

18+

Юрий Андреевич Бацуев

Покаяние агнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44387904

SelfPub; 2019

Аннотация

«Покаяние агнца» – это книга откровений, преимущественно исповедального характера. Кажется, это делается с целью духовного самоочищения. Невольно возникает вопрос, а надо ли так откровенно распахивать створки души?.. Автор считает, что надо. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ОН И ОНА	4
«До и после»	4
Стихи	16
Аська	30
Школьная любовь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

ОН И ОНА

«До и после»

Выйдя из ворот парка, я направился к универмагу и буквально столкнулся с вышедшей оттуда девушкой, с которой вчера вечером танцевал в парке на площадке.

– Здравствуйте, – сказал я, не скрывая радости от встречи. Она взглянула на меня и кивнула в ответ. – Что вы тут делаете? – продолжил своё приветствие я, не желая так быстро расстаться с ней.

– А что можно делать в универмаге? – удивилась вопросу она. – Осматривала вещи, какие тут есть.

– Дело в том, – пояснил я, пытаясь завлечь её в разговор, – что в этом здании не всегда располагался торговый центр. Раньше здесь был клуб. А десять лет назад, вон на том месте, в двадцати метрах отсюда, мой старший брат Шуня собирал стёклышки. Делал он это увлечённо до тех пор, пока перед ним не предстал человек в военной форме с вещмешком за плечами и наградами на груди. Он поднял Шуню с земли и спросил: – Ты кто: Шурик или Юрик? – Шурик, – ответил брат. – А я твой папа, – сказал военный. – Вот, вернулся с фронта, с войны.

– Как видите, – подвёл итог я, – это место памятное. Мож-

но сказать, «историческое» для нашей семьи, и я, когда приезжаю домой, частенько подхожу к этому месту.

– Очень интересно, – сказала она, и в свою очередь спросила: – А чем заняты вы?

– Абсолютно ничем. Да и чем может заниматься студент, только что прибывший с производственной практики к себе в родные пенаты. А вот вы, как к нам попали, ведь вы приезжая? – И добавил: – Лично я живу вон в том, самом красивом в посёлке трёхэтажном доме с колоннами.

– А я, – подхватила она, – живу здесь рядом в двухэтажном доме, который называется «интернатским».

– Да, здесь два дома называются так, хотя только в одном из них находится интернат для детей, страдающих искривлением позвоночника. Вы, в котором из них расположились?

– Во втором отсюда. Я приехала в санаторий по путёвке на десять дней из Таврии.

Про Таврию я знал только то, что селение с таким названием находится где-то на берегу Иртыша. Но ни разу там не был. – Слушайте, может, перейдём на «ты»? – предложил я. – Мы ведь не такие солидные и старые, чтобы «выкать». И скажу вам прямо и честно, вы мне понравились ещё вчера на танцах, а сейчас, – продолжил я, переходя в атаку, – когда я увидел ваши большие голубые глаза, не могу удержаться, чтобы не сказать вам сразу же об этом.

– Вас я тоже вчера заметила, мы танцевали три танца, даже помню какие. Впрочем, на «ты», так на «ты». Будем

знакомы. – Она назвала своё имя, а я своё, хотя итак было ясно, что я «Юрик», о котором спрашивал отец.

– Может, пойдём? – сходу предложил я.

– Куда?

– Да хоть куда. Можно по этой дороге. Она ведёт сначала к сопке, потом огибает её. Но мы поднимемся наверх, и я покажу тебе большую воронку. Зимой в ней собирается снег, и я помню, как мы с моим «дядей» Алёшкой сбегали с уроков и скатывались вниз на дно воронки. Он был старше меня на три года, а учились мы в одном классе.

– Не возражаю, – согласилась она. – Я вижу, ты всё тут знаешь, тогда будь моим гидом.

И мы пошли к «воронке». С вершины сопки хорошо открывалась панорама. И я, воспользовавшись этим, стал знакомить спутницу с окружающим наш посёлок ландшафтом. – Вон там, вдали за рекой Иртыш синее трёхглавая гора, называется она «Три богатыря» – красивая, правда? – говорил я спутнице, указывая в том направлении. – На самом деле это не гора, а мираж из беспорядочно разбросанных высоких холмов, которые нам отсюда видятся как единый горный ансамбль. Своему брату Шуне я посвятил стихотворение, в котором писал: «А помнишь ли ты Гребенюшку, Чёрную гору, Иртыш, трёхглавой горы верхушку и глубочанскую тишь?» Так вот, Чёрная гора – это вон та гора, справа, если смотреть по кругу от «Трёх богатырей», мы там в детстве стреляли из поджигов, а далее по кругу – наша знаменитая

«Гребенюшка» – туда жители, особенно молодёжь, ежегодно ходят в майские праздники, чтобы полазить по скалам. Ещё правее находится сопка «Календарь», люди говорят: «Как «Календарь» задымит – быть дождю, погода испортится»...

А потом мы стали спускаться по склону к церквушке, которая возвышалась на поляне с другой стороны сопки.

– Церковь давно не действует, – рассказывал я, – теперь здесь, кажется, краеведческий музей, и рядом могила (без креста) бывшего священника. А там дальше, за речкой Глубочанкой, вон в том домике, и жили некогда поп и попадья, которые служили в этой церкви. У них была дочь – Татьяна Лукинична Ослопова – моя первая учительница. Она была доброй, но я в силу своей невоспитанности нередко выводил её на уроках из себя. Помню, выставила она меня с урока за дверь, а я обошёл школу и с другой стороны перед окном нашего класса начал играть в лянгю. Знаешь, что такое «лянга»? – Это маленькая ворсистая шкурка со свинцом. Её надо бить согнутой в колене ногой, и не допускать, чтобы упала на землю. Обычно мы, пацаны, соревновались, кто больше ударов сделает. Этой «лянгой» я и забавлялся перед окном во время урока. Т.Л. спросила у класса, кто знает, где работает мама «этого забавника», имея в виду меня. – Я, – охотно отозвался Лёнька Шульц. И она отправила его с запиской к моей матушке, в которой просила зайти в школу для разговора о моём поведении. Шульц выполнил поручение, а когда возвращался в школу, наткнулся у входа на меня. «Юра, –

сказал он, – я сейчас бегал за тетрадкой, которую забыл дома, и увидел твою мать, она спросила: «Как там Юра?» Я сказал: «Всё хорошо». Потом пришла в школу матушка, состоялся разговор. А на другой день мой кулак «влип» в подбородок Шульца. И на том наша дружба с ним закончилась. А раньше мы выручали друг друга: я у него списывал контрольные по математике, а он у меня диктанты.

...Так я развлекал бесконечными разговорами свою знакомую, а сам между тем поглядывал на неё сбоку, и чувствовал, что она всё больше и больше мне нравится. Она доверчиво слушала, и в её больших голубых глазах порой вспыхивал живой интерес, тогда она с любопытством бросала взгляд на меня. Светлые волосы свисали с её плеч, а изящная фигурка скрывалась за тонкой летней одеждой.

Между тем мы перешли по мостику речку, прошли поповский дом и поднялись выше по отлогой дороге, где слева начиналась улица с незамысловатыми избушками и огородами, уходящими вниз к руслу реки.

– А вот здесь, среди этих избушек, уже и не помню где точно, – продолжал я развлекать спутницу, – была хата моей бабушки Оли. Она сама её строила с младшим сыном, мальчишкой ещё. Строила, можно сказать, из ничего. Вот у нас с тобой под ногами ровная поверхность, покрытая травой. Это «дёрн». Его вырезали в виде прямоугольных кирпичиков, и из этого «почвенного» слоя, состоящего из земли и травы, сооружали жилище, которое потом обмазывали гли-

ной. А чтоб сделать крышу, бабушка запрягала корову Феньку в телегу и ехала в лес. Вырубала стропила и другие опоры. Привозила и строила. Виктор Павлович – последний бабушкин муж, был тогда очень болен: его на шахте бадьёй прибило. Он не мог физически работать, зато курил самоотверженно самосад. Дедушку я помню именно в этой избушке, лежащего на русской печи с самокруткой во рту. В доме постоянно стоял дым коромыслом. Дедушка был к тому же отъявленным матерщинником. Матерился он не на людей, а когда сильно припекали боли. Маты у него были особенные. «Но не буду тебе их повторять, – пошутил я, – а то ещё понравится, и будешь ты в старости, как мой дедушка, заядлой матерщинницей». Я говорил этот вздор, а ей, как мне казалось, было интересно слушать.

– Но вот справа от этой улицы открывается настоящий простор, – с пафосом заговорил я. – Здесь начинаются поля. Засаживаются они гречихой, подсолнухами, а иногда оставляются «под пары». Тогда здесь произрастает трава, и появляются сначала копны и стога, а затем уже к зиме, их собирают в большие скирды...

День был тёплый и солнечный, мы свернули с дороги и укрылись в тени одного из стогов. Ещё когда мы шли, беспечно болтая, особенно я – нёс не совсем увлекательный вздор, – я вдруг почувствовал, что меня невероятно сильно влечёт к моей спутнице. От этого всё окружающее воспринималось с ореолом восхищения. Во мне зарождались новые

светлые чувства, которые только через много лет, уже достаточно осмысленные, найдут своё словесное оформление в стихах о любимой девушке, виновницей которых, безусловно, была она, моя новая знакомая:

Неведомое кроткое создание,
Загадка моего воображения:
И радость ты, и нежность, и страдание -
Беда моя, тоска и упоение.
Мечта моя, земная и желанная.
Томление моё неодолимое.
Нежданная, негаданная, странная
И бесконечно мною ты
Лю б и м а я.

«Боже мой, как хорошо мне с этой девушкой, – думал я, – и как меня влечёт к ней всё сильнее и сильнее» *Мечта моя, земная и желанная* – именно тогда зародилась эта строчка, потому что до этого я ещё не испытывал такого радостного волнения...

К стогу мы приблизились, держась за руки, и расположились в тенёчке. Я расстегнул пуговицы своей рубахи. Она распахнула кофту. Я поцеловал её сперва в щёчку, затем в губы. Потом прижался устами к её светлым волосам. Она скинула сначала кофту, а затем юбку и всё остальное. И я, совершенно ошалевший, смотрел на неё восторженными гла-

зами и испытывал трепетную радость от её чудной красоты.

...Нельзя сказать, что я никогда не видел голой женщины. Я видел их, как ни странно, очень даже много. Мы, мальчишки, подраставшие без отцов, воевавших на фронте и погибавших там, были вынуждены ходить в баню с матерями. Поэтому скопление моющихся обнажённых женщин нас не смущало. Заостряли внимание лишь бабушки, с морщинистыми лицами и истощёнными с обвисшей кожей телами, осторожно передвигавшиеся с наполненными водой тазами. Они вызвали тревогу: как бы кто не поскользнулся и не упал.

А остальные женщины воспринимались обыденно, как люди, занятые делом – в данный момент моющие себя и детей. Инстинктов мужского вожделения ещё не было. Однако с некоторых пор у меня появилось серьёзное смущение и даже страх, когда я вдруг увидел девчонку, с которой учился в одном классе. Тут уж я старался изо всех сил скрыться за телами взрослых женщин. И в дальнейшем опасался только этого.

...Но здесь случилось совсем другое. Она теперь лежала передо мной, моя божественная Фея, обнажённая и очаровательно-красивая. Очертание тела её напоминало гитару. Линия плеч сужалась к талии, а затем расширялась в бёдрах. Хотя (что я говорю?) всё было наоборот: это гитара была сделана мастерами-умельцами по подобию женщины, чтобы не только исторгала как инструмент сладкозвучные мелодии, но и напоминала о самом чудесном существе на земле. Бесспор-

но то, что формы женщины Господь ваял такими, какими они должны были радовать взор и услаждать душу...

Я опустился перед ней на колени и, как дитя, толкаясь лицом в грудь, стал целовать эти девственные бугорки, телесные холмики, которые допустили меня к себе. Она была нежна и податлива. Её широко распахнутые глаза выплёскивали синий свет, а руки тянулись навстречу мне...

«И шепнул я мгновенью: «Замри,
Пусть не будет успехов и зрелости
В ежедневно-обыденной серости,
Только этот восторг пусть горит,
Вечно пусть мой восторг горит!» -

так найдёт свое словесное отражение и этот момент в моих будущих стихах.

До этого поцелуи мои с девушками были скорее символическими, чем страстными, а отношения чисто платонические. Дружил я сначала с одноклассницей Инкой, и целовался с ней, едва касаясь губами её щёк и уст, а потом, уже постарше в десятом классе, встречался с Люсей, целовались мы только в губы. Так она хотела. Конечно, была разница в поцелуях. А однажды, когда я случайно коснулся рукой её груди – тут же получил пощечину. Я даже не сразу сообразил, за что такая немилость.

...А сейчас, целуя сначала холмики груди и ложбинку между ними, мои губы бессознательно приближались к та-

лии. При этом руки, обвив стан, нежными движениями осязали овалы её бёдер. На миг, чтобы восстановить дыхание, я приподнялся, и мой взор проник туда, где сгусток шелковистых палевого цвета волосиков прикрывал сокровенное лоно. И тут она резко притянула меня, побудив войти в себя. И я вошёл, вернее, провалился, не чувствуя преграды. «Что-то не то, – мелькнуло в сознании, – я должен был не упасть в пропасть вожделения, а прорваться в лоно любви сквозь естественную препону, чтобы навеки стать преданным воздыхателем и единственным возлюбленным своей божественной Феи». И вместо того, чтобы раствориться в ней и насладится соитием, постигая тайны любви, как это делают все люди, и не только они, но и всё живое на свете, я, вырвавшись из объятий, вскочил на ноги и стал лихорадочно натягивать на себя одежду. «Как же это? – недоумевал я, – та ли ты, божественная Фея, с которой я готов был пройти по всей жизни, или всё это пригрезилось мне?..» Я оторопел, беспомощно озираясь по сторонам. И она, только что мной обласканная Фея, всё поняла, поняла моё разочарование, и заплакала. Едва прикрыв тело платьем, она рыдала без слов оправдания...

Откуда-то взялся и остановился у нашего стога объездчик. Сидя на коне, он молчаливо уставился на нас. Я резко сделал ему рукой знак, чтобы он удалился. «У вас всё тут в порядке?» – спросил он. «Иди, иди», – тихо сказал я. И он медленно поехал восвояси. А потом и мы, уже не глядя друг

другу в глаза, пошли назад туда, откуда начали свою романтическую прогулку...

На другой день, увидев меня, идущего от парка к универмагу, она *радостная* кинулась навстречу с распростёртыми руками. «Отчего такая *радость?*» – подумал я, – ведь «*чувства раздельны: твои и мои*» – вырвалась в сознании строчка, которая непременно когда-нибудь займёт место в моих стихах.

И я встретил её сдержанно, не раскрыв рук для объятий. Это была обида невинного «чистого» мальчика за обманутые надежды. Хотя какой «обман», и какие «надежды»? Ведь мы были едва знакомы.

Не помню даже, как мы расстались, но расстались навсегда. Мне было не полных восемнадцать лет, а ей чуть больше. Зато через год или полтора возникли *бравадно-циничные* стихи, которые я связываю именно с тем событием. Вот они:

Тусклый день, весна, как осень, -

Слякоть, грязь и мрак...

Я любил тебя не очень,

Перезревший злак.

Обнимал тебя я нервно,

Своих чувств не выяснял,

Потому что был *не первым*,

Поцелуй *не первый* снял.

Ты была почти красива,

И, как свет зари, юна,

Только взгляд был не ревнивый,
Да смеялась не сполна.
Ты в глаза смотреть не смела,
Не рвала, как я, цветы...
Видно, ты тогда узрела,
Что с тех пор я стал, как ты.

А ведь тогда я обнимал её совсем не «нервно», а с огромной любовью и доверием. И день был не «тусклый», а радостный и солнечный. Да, это была *Любовь невинного Агнца*. А стихотворение отражает скорее те чувства, которые зародились как следствие неоправданного ожидания. Конечно, я и после того события *любил* женщин, но где-то глубоко-глубоко в душе появился и остался тщательно скрываемый элемент *цинизма*, который нет-нет, да и вылезет в моих отношениях с нежной половиной человечества.

Поразило меня и то, что после появления стихотворения, я напрочь забыл имя девушки, которой готов был доверить себя на всю жизнь. Иногда, чтобы вспомнить его, я мысленно перебираю все имена, которые знаю, но тщетно – никакое из них «не подходит» к ней. Что ж, такова была моя реакция на конец того *божественного дня*, а ведь он был на самом деле, этот незабвенный день, сначала подаривший мне святое *чувство любви*, а затем низведший это чувство до *цинизма*.

Стихи

* * *

В наших чувствах
Недопонятых,
В наших мыслях
Недосказанных
Были мы
Любовью тронуты,
Но пошли
Путями разными.
Где та нежность
Волоокая,
Радость тихая,
Бездонная?..
С верным другом –
Одинокий я,
Ты в своём дому
Бездомная.
Впереди пески
Сыпучие
Да суровые
Развалины.
Пепел с пылью

На излучине...
Неужели нам
Оставлены?..

* * *

Вода струится искрами,
Борясь с лучами юга,
Тебя, такую близкую,
Я уступаю другу.
Бьют волны шаловливые
В прибрежный плоский
Камень,
Шепчу украдкой: «Милая...» -
И прячу в сердце
Пламень.
Нет– нет,
Любить не поздно мне,
Да и тебе не рано,
Но грустно,
Но бесслёзно я
Оплакиваю рану.

В ЛОДКЕ

В моём сердце
Два сердца:

Моё и твоё.
Волны вольные
Пенятся –
Хорошо
Быть вдвоём.
Ветер парус
Качает
Между влагой
И зноем,
Я ликую отчаянно –
Наконец-то
Мы двое!
Только двое,
Мы двое –
Благодать!
Красота!..
Кровь ярит мне,
Не скрою,
Твоих глаз чистота.
Мчится с радостным
Шумом
За волною
Волна,
Ты мне богом
Нептуном
В этот час

Отдана!

...И весёлую

Ярость

Двуединых

Сердец

Носит маленький

Парус –

Нашей лодки

Венец.

ЗВЕЗДОЛЁТ

На небе звездолёт,

А мне не до созвездий –

Передо мной пролёт

В заплёванном подъезде.

А ты сейчас с другим,

Как и со мною прежде,

А я стою один

В твоём пустом подъезде.

Я жду и не унять

В душе моей кручины:

Хочу тебя отнять

Я у того мужчины.

Но вновь и вновь пролёт

В твоём пустом подъезде.

...Для вас тот звездолёт,
А мне не до созвездий!

ЛАРИСКА

Рыжая Лариска –
Синие глаза,
Целовать без риска
Мне тебя нельзя.
Что, не знаю, делать?..
Впрочем, не секрет –
У любви пределов
И запретов нет.
С молодой стаей
Рвёшься ты в зарю.
Только без тебя я
От любви сгорю.
Рыжая Лариска –
Чистые глаза,
Мне такую близкую
Потерять нельзя.
С молодой стаей
Рвёшься ты в зарю.
Только без тебя я
От любви сгорю.

* * *

Надоела давно
Мне житейская мудрость
И пошлость.
Я хочу ощутить
Идеальный для памяти
Миг.
Ты меня не томи
Своим правильно прожитым
Прошлым,
Лучше в синие дали,
Мечтанные дали
С собою возьми.
Моё сердце стучит
В жажде новых,
Неясных желаний.
Позови – и пойду
Я навстречу опасной
Любви.
Уведи меня в даль
Упоительно-нежных
Страданий,
И вдали той мечтанной
Ты меня озари,
Обнови.

* * *

Любимая,
Рассвета синева
И нынче нас с тобою
Разделила.
Два полуцвета,
Полузвука два,
Полудела твои,
Мои полуслова –
Кому нужны
Два этих
Полумира?!
...Хотел бы я,
Чтобы рассветов
Ливни
Не превращали никогда
Нас в половины.

ВАЛЬС

Быть может, ты и есть та самая,
К которой я всю жизнь стремлюсь,
Тот мой решительный экзамен,
Я на котором завалюсь.

Ни как студент и ни как школьник —
Их страхи можно пережить, -
А так, чтоб ничего не помнить:
В твоём плену всё время быть.

Чтоб окружающие лица
Слились в один желанный лик,
Чтобы к тебе одной стремиться
И каждый час, и каждый миг.

Все помыслы тобою станут,
Без хмеля буду во хмелю.
...Да, тот последний мой экзамен
Я непременно завалю.

ПРОСТИ. ПРОСТИ...

Романс

«Прости, прости», -
Шепчу с годами
Чаще я,
Вынашивая боль
Раскаянья в груди.
Слова любви,
Тебе принадлежащие,
Я так легко

Раздаривал другим.
Не ты ль во мне
То беспокойство
Совести,
Та коловерть души
И сердца пылкий стук,
Не ты ль одна
И в радости,
И в горести
Мой самый верный,
Искренний мой друг?!
А годы бьют
Сквозь зори
И ненастье...
Уж слышен впереди
Заката медный гром...
«Прости, прости, -
Шепчу тебе
Всё чаще я, -
Прости, прости,
Без твоего участия –
Я птица в небесах
С прострелянным
Крылом».

С НАДЕЖДОЮ О ВСТРЕЧЕ

(песня)

А знаешь,
Собираясь в дальний путь,
Уже живёшь надеждою
О встрече,
Пусть даже за окном
Весенний вечер –
В дороге нас
Не покидает грусть.
От глаз любимых отрывая,
В даль
Нас лайнеры воздушные
Уносят,
И, улетая в облачную просинь,
Несу с собой разлуки я
Печаль.
Зато когда, любимая, к тебе
Я возвращаюсь издали
Обратно,
Я радость ощущаю
Необъятную,
И благодарен
Собственной судьбе.
...Пространство в путь
Не может не увлечь,

А значит.
Суждено нам расставаться.
И будут в синеве
Соприкасаться
И боль разлук,
И радость тёплых встреч.

СЕМЕЙНЫЙ РОМАНС

Дружочек мой сердечный,
В наш праздничный канун
Спою тебе я песню
Под звон душевных струн.
Мы в светлой нашей горенке
Воркуем бок о бок –
Я ласковая горлинка,
Ты нежный голубок.
Тобою я любимая,
И мною ты любим,
Тебе необходима я,
Ты мне необходим.
Семейное ты ядрышко –
Душе моей опора,
Когда со мной ты
Рядышком,
Живу, не зная горя.

Пусть обойдёт сторонкою
Бед и наш порог.
Будь, милый мой, здоровеньким,
Поможет тебе Бог.

НА ПРОПОЛКЕ ТАБАКА (курящей женщине)

Тяпкой в корень
Я бью сорняку,
Поглощённый работой
Сполна.
Вдруг почувствовал:
Рядом *Она* –
И табак с сорняком
На боку.
Не сердись на меня,
Табачок,
Всё – равно ведь тебе
Гореть...
Снова бьёт моя жизнь
Ключом,
Снова многое
Хочется сметь.
Снова сердце ликует моё,
И про то я хочу пропеть,

Как хотел бы
В губах её
Сigaretкой дотла
Истлеть.

* * *

Уходит время в никуда –
От нас летит неодолимо,
А я уверен, что всегда
Друг другом будем мы любимы.
Стучится в комнату мою
Холодная сырая осень,
Кричу вослед тебе: – Люблю! –
Но ветер звуки прочь уносит.
Увы,
Поймёшь ещё не раз
Ты за тобой закрытой дверью,
Что счастье было лишь у нас
И я, увы, твоя потеря.
С мольбой прошу тебя: – Вернись!
Грехи свои перед тобою
За всю оставшуюся жизнь
Любовью преданной я смою.
...Стучится в комнату мою
Холодная сырая осень,
Кричу вослед тебе: – Люблю! –

Но ветер звуки прочь уносит.

* * *

Нежно коснёшься моей головы –
Взор мой
Нежданный порыв тот поймает:
Чувства любви,
Что совсем догорают,
Может, сольются
И станут новы?..
Тягостные,
Беспросветные дни...
Милая, милая,
Что с нами стало?
Наша взаимность
Давно уж устала –
Чувства раздельны:
Твои и мои.
Шлейфы горящей Амура стрелы
В даль единённую звали
Когда-то.
Что же случилось и кто виноватый,
Что вместо пламени –
Горстка золы?..

Аська

Это был угреватый приклатнённый крепыш, недавно освободившийся из мест заключения, где отсидел год за хулиганство. Я его не знал и никогда не общался с ним.

Наш буровой отряд стоял в небольшом посёлке, в котором учёные проводили какие-то исследования по животноводству. Как раз для них мы бурили скважины на подземные воды. После того как прямо в посёлке скважина вскрыла самоизливающуюся пресную воду отличного качества, руководство научного института заказало бурение ещё нескольких скважин. Благодаря этому мы и провели в населённом пункте целую зиму, вместо того чтобы совершать то и дело переезды на другие объекты, которые выпадали чаще всего на безлюдные места. Одним словом, нам повезло, и вскоре мы вступили в тесное общение с местным населением.

В каждом селе имеется парень, который почему-то считает, что именно с ним должны девки встречаться. Наверное, я чем-то выделялся среди клубной молодёжи в тот предновогодний вечер, и это парня раздражало. А когда мы после очередного танца вышли с Аской из помещения, он сзади нанёс мне ножиком три удара по голове. Боли не было, только снопы искр застили мне глаза, и то лишь в те моменты, когда нож соприкасался с моим черепом. После второго уда-

ра, я, видимо, повернулся лицом к противнику, и он полоснул меня сверху вниз со лба в сторону правого глаза. Кровь залила лицо. Увидев это, Аська бросилась на мерзавца, а он, отступая, размахивал ножиком, оставляя следы на её косынке. Но, как оказалось потом, не только на косынке, но и на её груди.

Наши буровики, выскочив из клуба, тотчас набросились на местного мачо, и не только на него, но и на всё его окружение. Началась потасовка...

Аська увела меня в медпункт, где работала медсестрой. Перевязала, остановив кровь. И мы находились там до раннего утра, затем пошли в дом, где располагалась наша буровая бригада. Я, тогда сосредоточенный на самом себе, даже не догадывался о том, что Аська тоже ранена. Я не видел и того, как она занималась своими ранами в медпункте.

Оставив меня в распоряжении буровиков, она ушла к себе домой, дом её стоял напротив нашего. Жила она у своего дяди – научного работника института, который забрал её, как она выражалась – «из аула», после окончания школы. И здесь она, работая в медпункте, готовилась к поступлению в Вуз. Сопроводив меня, Аська ушла домой. И... больше я уже никогда её не увидел. Первым автобусом она покинула село и уехала к родителям в Талдыкурганскую область. Много раз я писал в Антоновку, где они проживали, – ответа долго не было. И только к весне я, наконец, получил весточку, в которой её мать сообщила, что «Асия сбежала с каким-то

русским в Сибирь» и просила меня больше не писать писем.

...Аська никогда не выпадала из моей памяти. И уже после армии, будучи женатым человеком, я обратился в справочное бюро Алма-Аты со слабой надеждой разыскать её. Мне сообщили, что гражданка Шонова Асия действительно проживает в городе по улице Муканова. Это было накануне праздника 8 марта, и я незамедлительно послал по адресу поздравительную открытку, совершенно не зная её семейного положения. Ответа

не было. И уже, наверное, спустя десять лет после нашего неожиданного расставания, я вдруг увидел в магазине около моего места работы женщину, точь-в-точь похожую на Асю.

– Асенька, ты ли это? – воскликнул я. – Как я рад тебя увидеть!..

Женщина, которая без сомнения была Асей, остановилась, посмотрела мне в глаза и спокойно ответила: «Вы, по-видимому, ошиблись, я – не Ася». И направилась к кассе. А я, остолбенев, долго ещё не мог прийти в себя.

...Прошло ещё много лет, а я так и не встретил эту смелую девушку. И лишь шрам напоминает мне о той зиме и о том посёлке, где мы с Асей встречали новый год. Шрам, полученный от человека, которого я и имени-то не знаю. Это был не то Сергей, не то Семён. Бог его ведаёт.

...Они, наши буровики, били его неистово. Повалили с ног, пинали, а потом Алим, ранее отсидевший десять лет в заключении, дрыном, подобным оглобли, молотил его. А

он... полз навстречу им – бесстрашный, неистребимый.

На другой день лицо его было синюшным и опухшим, глаза еле просматривались сквозь щелки век. Когда сказали ему, что он ножом ранил Аську, и что она поехала в прокуратуру с заявлением – он только тогда заметно смутился. Однако, буровики, посоветовавшись, сказали мне: «Юра, милицию привлекать не надо. Потому что мы тоже почти все судимы. И будут неприятности». На том и порешили. Местным парням сказали, чтобы они срочно вставили стёкла в окна, которые разбились. И они это сделали. А когда после праздников явился старший мастер Шахлар, всё было на мази и как всегда. Только голова моя была обмотана бинтами. Оказывается, я поскользнулся и упал, ударившись о перила.

Школьная любовь

Моя первая любовь – Инна Соколова была вовсе не Инна, а Аргентина. Так назвала её мать – учительница истории. Какие экзотические мотивы побудили её назвать свою дочь так, не знаю. Как не знаю и того, как её дочь жила с таким именем в Москве, куда она как медалистка уехала поступать в институт. Там и осталась, потому что возмечтала жить в Москве ещё школьницей, после того как побывала в столице, будучи лучшей ученицей класса, направленной туда по бесплатной турпутёвке.

Мы учились в четвёртом классе, когда моё сердце вдруг застучало неровно при встрече с Инной. Помню, как позже уже, мы с ней, взявшись за руки, продвигались к клубу, за которым стоял многоквартирный барак, где она жила. Быстро вечерело. Мы приближались как раз к тому месту, где в октябре сорок пятого года мой брат Шуня собирал стёклышки, показывая их другу. Делал он это увлечённо до тех пор, пока перед ними не предстал человек в военной форме с вещмешком за плечами и наградами на груди. Он поднял Шуню с земли, притянул к себе и спросил: – Ты кто: Шурик или Юрик? – Шурик, – ответил брат. – А я твой папа, – сказал военный – Вот вернулся с фронта, с войны...

...Но мы с Инкой сейчас думали не о том. Мы дружили с

ней и, как казалось нам, очень любили друг друга.

Совсем стемнело. Было безлюдно. Начал моросить дождь.

– Так ты меня любишь? – спросил я.

– Люблю, – ответила Инна.

– Правда?

– Правда.

– Посмотри в глаза,

Инка приблизила своё лицо и в упор заглянула в глаза. Я на время успокоился.

– Уроки я опять не выучил, – вспомнил некстати я.

– Это плохо, – не одобрила она.

– Не могу. А ты можешь?

– Могу.

– Значит, не так меня любишь.

– Неправда.

– А любишь?

– Люблю.

– Очень?

– Да– да– да, очень– очень– очень, люблю– люблю– люблю! И знаешь что? – резко добавила она, – Хватит об этом. Нельзя так часто говорить «люблю».

– Почему это нельзя? – удивился я.

Инка молчала. О любви она знала из книг. А там не спрашивали об этом через каждые пять минут. Но я хотел любви вечной:

– Молчишь, значит, не любишь.

– Да! Не люблю! Надоело! – запальчиво выпалила она.

– Ах, надоело?! Вот оно что? – взвихрился я.

– Юрч, ну не мучь меня. Как тебе доказать ещё? – взмолилась Инка.

– Ты уже доказала, как только что сказала, – в рифму возмутился я. – Можешь не говорить дальше. Прощай! – рванулся я в сторону.

«Ну, отчего он такой необузданный», – только и подумала она. – Юрка, вернись! – крикнула вдогонку.

– Никогда! – резко отозвался я. И вдруг увидел: Инка, прыгая через лужу, поскользнулась и упала в грязь. Всё у меня съёжилось внутри.

– Инка! – крикнул я. Подскочил, приподнял и, прижав к себе, поцеловал.

На душе стало спокойно и ново. Дождь всё усиливался.

– Хорошая моя... я люблю тебя, Инка, – говорил я, прижимая её к себе, на месте, где когда-то мой отец встретил сына – брата моего Шуню.

...Тогда мы целовались по-детски безвинно, движимые сильным душевным порывом, который был далёк от первоначальных инстинктов.

А в пятом классе я приходил к ней домой учить химию и математику. Но в голову науки не лезли. Находясь рядом с ней, я был словно безумный. Тогда я уже пописывал стихи, но они не были о любви. Я собрал их в тетрадку и отдал Инке, чтобы она расставила знаки препинания и исправила ор-

фографические ошибки. Из той тетрадки мне запомнились только следующие строки:

Шёл 1941 год,
Когда немецкая держава
На нашу мирную страну
С огромной силою напала.
Нам трудно было устоять тогда:
Мы поневоле отступали
И отдавали города.

Запомнились они скорее потому, что друг моего дяди Прокопия – комсомольский активист нашего шахтёрского рудника Вася Кирдяшкин сделал мне замечание: «Мы не *поневоле*, – как пишешь ты, – отступали, – а *тактично*. Это большая разница». И я легко согласился с ним, поскольку ещё не совсем разобрался в «страдегии» и «тактике». Конечно же, только *тактично* можно было отдать почти всю европейскую часть страны. И я вопреки нарушениям ритмической закономерности стиха вписал: «Мы *тактично* отступали и отдавали города».

Инна была первой, кто прочёл мои поэтические опусы. Я любил её очень. Помню, как-то зимой она, провожая меня, вышла на крыльцо босиком. На другой день заболела и не пришла в школу. Для меня было мучительно не видеть её.

Дружба наша продолжалась до тех пор, пока летом на каникулы не приехал к Инке в гости со своей мамой пацан по

имени Алька Дрючин. Она стала появляться везде с ним.

Меня это страшно угнетало и выводило из себя. Я наблюдал за ней незаметно со стороны

и безумно ревновал. Потом, когда он, наконец, уехал, мы, одноклассники, однажды играли в парке в волейбол, расположившись в кружок. Принимая пас, Инка споткнулась и упала. Подол её платяшка поднялся и обнажил трусики, на которых была кровь. Это заметил не только я, но и остальные пацаны. Сначала мы смутились, А потом, удалившись в сторону, начали плевать. Особенно усердствовал я, назвав свою бывшую возлюбленную «Инна – кровина». Так и пошло. «Ты сегодня видел *Кровину*?» – спросил однажды один из пацанов. – Она встречается с Борькой Ослоповым. Он теперь ходит, как и ты когда-то, к ней домой». Я выходил из себя от безысходной злобы и возмущения.

...Когда учишься в одной школе, и если ты очень «подвижный» малый, за тобой накапливается много грешков, и ты частенько попадаешь в учительскую на разборки. И, несмотря на то, что ты активен не всегда «отрицательно», в конце концов, ты всё равно «виноват». В шестом классе мы по примеру «молодой гвардии», описанной Фадеевым в его известной книге, создали свою «юную гвардию». Каждый член нашей организации носил на груди маленькую серебряную звёздочку и имел «мандат» в виде книжечки с уставом, который должен быть всегда при себе. Над нами не было руководящей силы партии, мы были сами по себе. И это

нам нравилось. Из взрослых была только Елена Николаевна – учительница литературы и русского языка, которая легко нас «просекла», когда однажды утром обнаружила на двери своей квартиры листовку, написанную хорошо ей знакомым почерком. Было мирное время. Но нам хотелось «тайных» действий. Приближалось 8 марта, и мы решили поздравить женщин листовками, которые писали от руки, подсовывали в сумки женщин и расклеивали, где придётся. Один из членов нашей «гвардии» ухитрился, переписывая текст, сделать массу ошибок уже в первой фразе-обращении: «Да

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.